Митрополит Иларион: Церковь дорожит возможностью беспрепятственно осуществлять свою миссию

9 сентября 2017 года в передаче «Церковь и мир», выходящей на телеканале «Россия-24» по субботам и воскресеньям, председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион ответил на вопросы ведущей телеканала Екатерины Грачевой.

Е. Грачева: Здравствуйте, это программа «Церковь и мир», в которой мы беседуем с председателем Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополитом Волоколамским Иларионом о важных событиях прошедшей недели. Владыка, здравствуйте!

Митрополит Иларион: Здравствуйте, Екатерина! Здравствуйте, дорогие братья и сестры!

Е. Грачева: 10 сентября в нашей стране пройдет традиционный единый день голосования. В 82 из 85 регионах нашей страны пройдут выборы разных уровней, а в 16 субъектах Федерации выберут и нового губернатора. В одном регионе была такая интересная история: священника, который баллотируется в местную Думу, отстранили от службы в Церкви за его участие в выборах. Так, может быть, это не так плохо, что в Думе был бы свой священник. Какая у Вас позиция на этот счет?

Митрополит Иларион: Может быть, это не так плохо. Но у нас есть свой опыт, когда еще в конце советского периода наших иерархов стали приглашать в органы власти. Поначалу священники соглашались, но потом Церковь быстро осознала, что каждый должен заниматься своим делом. И мы выстроили такую модель взаимоотношения с государством, которая, с одной стороны, предполагает разного рода сотрудничество в тех областях, в которых такое сотрудничество уместно, но, с другой стороны, оно предполагает отделение Церкви от государства не на словах, а на деле. И это, прежде всего, означает взаимное невмешательство во внутренние дела друг друга.

На практике это означает, что государство нам не диктует, кого мы избираем Патриархом, епископами, мы не согласовываем с государством никакие решения, касающиеся внутренней жизни Церкви. Если дело касается, допустим, аккредитации духовных школ или имеется в виду какое-то юридическое измерение, здесь, конечно, происходит некое согласование. Но внутренняя жизнь Церкви стопроцентно свободна от какого-то ни было контроля со стороны государства.

В свою очередь, Церковь не вмешивается в то, что является прерогативой государства, например, священнослужители не работают в органах власти, не участвуют в выборах. Если какой-то священник хочет идти на выборы, то он сам оказывается перед выбором: пойти в политику, и тогда он потеряет священный сан, либо остаться священником, и тогда он не должен идти на выборы.

Е. Грачева: Владыка, еще очень интересная новость, которую незаслуженно обошли крупные СМИ. Руководство Русской Православной Церкви отказалось предоставить полиции и Следственному комитету по их запросу личные данные послушников московских монастырей. А просили они отпечатки пальцев и пробы эпителия. Более того, руководство Русской Православной Церкви сказало, что и паспортные данные послушников выдавать никому не будет. Но здесь же просят не тайну исповеди раскрыть, а личные данные человека. Если человек законопослушный, то зачем ему их скрывать?

Митрополит Иларион: У каждого церковного учреждения есть свои взаимоотношения с властью, в том числе и со следственными органами, если дело дойдет до какого-то следствия. И каждый руководитель такого церковного подразделения определяет, в какой мере ему сотрудничать с соответствующими органами, какую информацию раскрывать, а какую нет. Речь, конечно, не идет о тайне исповеди, потому что тайну исповеди Церковь не раскрывает ни при каких обстоятельствах, но совсем не всегда и не во всех обстоятельствах руководитель церковного учреждения может согласиться раскрыть данные своих сотрудников, их паспортные данные, тем более отпечатки пальцев. Это, конечно, прерогатива руководителя этого учреждения.

Е. Грачева: А почему? Какие случаи оправдывают нераскрытие такой информации?

Митрополит Иларион: Я вспоминаю время, когда от священников требовали, чтобы они записывали имена всех, кто принял крещение, и потом эти имена сдавались в соответствующие органы. Это было в советское время. После того, как этот контроль государства над Церковью исчез, это требование тоже исчезло. И Церковь очень дорожит возможностью свободно существовать в свободной стране и беспрепятственно осуществлять свою миссию.

Е. Грачева: История совсем другого рода, из очень свободной страны, о том, где священники не только не могут отказать полиции в выдаче персональных данных, а им вообще Верховный суд говорит повесить табличку "Посторонним вход воспрещен".

Речь идет о беспрецедентном судебном решении. Пару недель назад Верховный суд Голландии отказался выносить приговор тем, кто снял порно фильм в исповедальне в католическом храме. Верховный суд оправдал создателей кино, руководствуясь тем, что не было надписи "Вход

воспрещен". В противном случае, говорят, что если вы против такого рода действий, то можете сделать храм закрытым.

Вообще, первый вопрос, который возникает: если на здании Верховного суда нет таблички "Посторонним вход воспрещен", то получается, что такое кино можно снять и в Верховном суде Голландии? А вообще, конечно, ужасная история. Это насколько, получается, изменилась за последнее время судебная система в Европе, что иски подобного рода имеют такой исход? Везде ли в Европе так? Вы долгое время жили в Европе.

Митрополит Иларион: Так, конечно, происходит не везде в Европе, потому что Голландия является одним из лидеров в продвижении норм либерального законодательства. Голландия была одной из первых стран (а, возможно, и первой), которая легализовала так называемые гей-браки, эвтаназию.

Думаю, что все эти события являются свидетельством того, что Голландия одна из стран, которая идет в авангарде отказа от христианских корней и христианской нравственности. Это, в том числе, приводит к такого рода уродливым решениям Верховного суда, ибо всякое законодательство основывается на определенной системе нравственных координат. И если эта система меняется, меняется сама парадигма взаимоотношений между Церковью и государством, между людьми в одном государстве, между людьми и законом. Если вводятся новые нравственные стандарты, тогда соответствующим образом адаптируется и законодательство: и если то, что раньше было бы преступлением, теперь преступлением не является.

Е. Грачева: В этой связи вспоминается история в нашей стране в 90-е годы. Скандальный режиссер Сергей Прянишников тоже кощунственно снял такое же кино на фоне Спаса-на-крови в Санкт-Петербурге. Как он потом сам говорил в интервью журналистам, он подкупал полицию. Но в 90-е годы много подобного творилось в нашей стране. Сегодня, как Вам кажется, общественная реакция на подобного рода акции какой могла бы быть? Как вообще поменялся порог толерантности с приходом 2000-х годов в России?

Митрополит Иларион: Не думаю, что общественная реакция на что бы то ни было должна быть агрессивной. Но я, к сожалению, вижу, что есть люди, которые отсутствие собственного таланта, одаренности подменяют стремлением к эпатажу. И для того, чтобы эпатировать публику, создать вокруг своего творения ситуацию скандала, они идут на подобного рода провокации. По сути дела, это провокации, которые подрывают общественный порядок, нарушают веками сложившиеся традиции. Считаю, что такого рода деятели «искусства» никакой пользы не приносят ни государству, ни своему народу.

Е. Грачева: Владыка, мы говорим о Голландии, которая идет в авангарде этой излишней свободы, даже можно сказать вседозволенности. Есть примеры других европейских стран, с которых можно и нужно брать пример?

Митрополит Иларион: Есть, на мой взгляд, позитивные примеры. Например, Венгрия, страна, которая продолжает стоять на страже своих христианских корней, своей христианской идентичности. Я еще несколько лет назад общался с нынешним премьером, который уже долгое время находится у власти. Он мне рассказывал о том, как приезжали чиновники из Брюсселя и требовали, чтобы они из свой конституции исключили упоминание о Боге, а также упоминание о том, что брак – это союз между мужчиной и женщиной. Но они наотрез отказались.

Несколько недель назад премьер Венгрии Орбан выступал в одном из университетов этой страны с открытой лекцией. Я прочитал его лекцию, и, должен признаться, очень удивился, что европейский политик настолько смело говорит о нравственных ценностях, о национальной идентичности каждого государства, и даже о спонсировании различных проектов, и его мнение идет полностью вразрез с нынешней линией Брюсселя, Евросоюза. Мы ведь знаем, что в странах Европы спонсируются разного рода проекты, направленные на либерализацию не просто законодательства, а на либерализацию мышления людей, на переформатирование мышления людей. И венгерский премьер выступал против этого.

Е. Грачева: Владыка, в Роскомнадзоре ввели официально штраф за использование своими же сотрудниками ненормативной лексики на работе. Оказывается, у руководителя стоит даже копилка в кабинете, на которой написано "Стоп-мат". И тот же Роскомнадзор обнародовал данные, что за последние два года в России нецензурная лексика в СМИ стала появляться в 5 раз реже. И с начала года они вынесли всего 10 предупреждений.

Многие священники называют мат молитвой диаволу. Чем опасен мат в нашей речи? Режиссер Никита Михалков, например, считает, что в кино его запрещать нельзя, без него русский человек вроде как не русский человек. Как Вам кажется?

Митрополит Иларион: Я разделяю очень многие мнения Никиты Михалкова, в том числе те, которые он высказывает в своей передаче «Бесогон», но вот с этим мнением согласиться никак не могу, ибо считаю, что мат не украшает ни произведения искусства, ни литературные произведения, ни человека, который произносит матерные слова.

Особенно меня шокирует, когда ругаются матом женщины. Иногда просто идешь по улице, навстречу идут две женщины и разговаривают между собой матом. В этом мне видится что-то очень неправильное. Думаю, что те меры, которые государство приняло в последние годы, и те

меры, которые средства массовой информации принимают для того, чтобы очистить информационное пространство от так называемой ненормативной лексики и от матерной ругани, стали приносить свои плоды. Я очень высоко оцениваю то, что в этом направлении делается.

Из Евангелия мы знаем, как Спаситель говорил о том, что человек оскверняется только в случае, если он говорит, чего не должно. Фарисеи считали, что человек оскверняется, когда он прикасается к чему-то нечистому, а Иисус Христос указывал, что источник скверны лежит внутри человека. И Он говорил, что «не то, что входит в уста, оскверняет человека, но то, что выходит из уст, оскверняет человека» (Мф. 15. 11). Именно этим принципом руководствуемся мы, христиане, в том числе и в отношении к явлениям такого рода, как матерная брань. Слово человека всегда должно нести позитивный заряд, оно должно быть продуманным, взвешенным и чистым от всякого рода скверны. Это то, к чему мы всегда призываем наших прихожан.

Я очень рад, что на общегосударственном уровне сейчас проводится линия на искоренение этого пагубного явления, которое отравляет жизнь очень многим людям.

Е. Грачева: Владыка, на днях в Россию из Ирака вернулись пятеро детей с территорий, освобожденных от террористов, родители которых в свое время присягнули террористам ИГИЛ. Дети чудом выжили и в итоге остались сиротами. Еще около 20 детей ждут депортацию в Россию. А по данным правозащитников таких маленьких россиян может быть в Ираке несколько сотен. Рамзан Кадыров уже призвал жителей Чеченской республики усыновлять таких детей. А что могла бы сделать Церковь, чтобы и малолетних адаптировать к нормальной жизни, и их новым семьям помочь? Потому что многие россияне высказывают опасения, что мы возвращаем в Россию будущих террористов.

Митрополит Иларион: Думаю, дети не могут нести ответственность за поступки своих родителей. Если наше государство берется за воспитание или перевоспитание таких детей, то, конечно, оно налагает на себя определенную ответственность, но при этом дает шанс этим детям никогда не повторять ошибок своих отцов.

Если говорить о Церкви, то, конечно, Церковь уже сейчас много делает для оказания, прежде всего, гуманитарной помощи населению Сирии, Ирака, других стран Ближнего Востока. И, конечно, мы очень обеспокоены судьбой ближневосточных христиан. Это касается и Ирака, и Сирии, и целого ряда других стран региона. Ибо если в Ираке при Саддаме Хусейне проживало около полутора миллионов христиан, то сейчас, в лучшем случае, от этого количества осталась одна десятая часть. Христианское население Ирака продолжает стремительно уменьшаться, и очень важно оказывать помощь тем семьям, которые остались без крова. Очень важно помогать тем детям, которые лишились своих родителей. Но не менее важно как можно скорее вернуться к

мирному созиданию жизни в Ираке и в Сирии для того, чтобы люди могли возвращаться в свои дома. Это касается, в том числе, и христиан.

Е. Грачева: Необходимо как-то по-особому готовить семьи, в которые попадут эти дети-сироты? Потому что эти малыши отличаются от тех детей, которые живут в России. Многие из тех, кто был на территории, подконтрольной ИГИЛ, уже с трех-четырех лет знают, как обращаться с оружием, боеприпасами.

Митрополит Иларион: Думаю, что многое здесь зависит от возраста детей, потому что если речь идет о младенцах, то младенца, думаю, будет достаточно легко воспитать в том духе, в котором пожелают это сделать его новые родители. Если же речь идет о ребенке, у которого уже сложились определенные навыки, то, конечно, здесь потребуется значительно больше усилий, в том числе помощь профессионалов, например, профессиональных психологов.

Считаю, что любого ребенка можно перевоспитать, если мы этого захотим. Я, конечно, очень приветствую акции, подобные этой, потому что мы, по сути дела, даем этим детям шанс на жизнь.

Во второй части передачи митрополит Иларион ответил на вопросы телезрителей, поступившие на сайт программы «Церковь и мир» ***vera.vesti.ru.***

Вопрос: Почему и для чего православные верующие крестообразно складывают руки на груди, подходя к чаше с Телом и Кровью Спасителя Иисуса Христа? Кем и когда это было введено?

Митрополит Иларион: Это очень древний обряд, который упоминается, в частности, в постановлениях Трулльского собора. Этот собор прошел в VII веке. Эта традиция также отражена и в иконографии.

Прежде всего эта традиция произошла от того, что Церковь всегда призывала и призывает к осторожности, когда человек подходит причащаться. Мы, священнослужители, часто говорим верующим, что перед Святой чашей не нужно креститься. Потому что если человек, подходя к чаше, будет креститься, то он может случайно задеть чашу, может пролить часть Святой Крови, в том числе себе на одежду, и если такое произойдет, то одежду нужно сжечь (или вырезать кусок ткани, куда попало причастие, и сжечь). Из предосторожности и из благоговения перед святыней мы говорим всем причастникам, что перед чашей нельзя креститься и что нужно подходить со сложенными крестообразно руками, чтобы по неосторожности не толкнуть Святую чашу.

Вопрос: Владыка, объясните, пожалуйста, значение каждения в храме. Во время богослужения оно происходит много раз. А для чего?

Митрополит Иларион: Надо сказать, что каждение, то есть воскурение фимиама, – это один из очень древних способов, при помощи которого люди выражают свое благоговение и любовь к Богу. Кроме того, священнослужитель в храме кадит и иконы, и всех верующих. И очень интересно, что то же почитание, которое священник воздает иконам при помощи каждения, он воздает и каждому верующему.

Если мы приходим в храм, то можем обратить внимание, что росписи в нем очень часто располагаются рядами. В одном ряду, например, мы видим пророков, в другом ряду мы видим апостолов, в третьем ряду мы видим праведников. И точно так же располагаются ряды в иконостасе. Но самый нижний ряд «икон» в храме – это люди, которые пришли в церковь. И священник с ними обращается так же, как и с иконами, ибо каждый человек создан по образу и подобию Божию. И когда священник кадит иконы, а затем кадит верующих, то он тем самым как бы напоминает каждому человеку, что тот создан по образу и подобию Божию и призван быть иконой Бога Живого.

Служба коммуникации ОВЦС

Источник: https://mospat.ru/ru/news/48232/